

Е. А. РЕПИНА
М. Г. КУРСОВА

ДИХОТОМИЯ ПРОСТРАНСТВА – ПУСТОТА В АРХИТЕКТУРЕ

SPACE-VOID DICHOTOMY IN ARCHITECTURE

В статье поднимаются вопросы аннигиляции мест без прямой функции в городском пространстве в контексте внедрения стандартов развития территорий и стремления к их массовому тиражированию. Ввиду повсеместного восприятия городских пустошей с негативной коннотацией в статье исследуется осмысление категории пустоты в архитектурной теории и практике на позитивной основе. Описываются различия между отношением к пространству как к объекту в модернистском проектом методе и пустоте как субъекту современного постмодернистского метода. Рассматриваются свойства и ценности пустоты с целью возвращения субъект-субъектных отношений к пустоте как ценности, прояснения ее потенциала для введения в проектный метод как категории, обладающей значимыми аксиологическими свойствами в сравнении с пространством. Реабилитация репрессированного значения пустоты рассматривается как ключ к масштабным профессиональным переменам. Предлагается рассмотреть пустоту как неотъемлемую часть поэтического опыта и как манифест новой формы архитектуры.

Ключевые слова: пустота, пространство, реабилитация репрессированных значений, дихотомия, модернизм, постмодернизм, право на пустоту

Аннигиляция пустоты в городских пространствах

В сегодняшнем коммерциализированном, медиатизированном и оцифрованном мире с максимальной интенсивностью выполняется политически сформулированное требование к развитию территорий, «точек притяжения», которое призывает к повышению качества городской среды, эффективности процессов благоустройства, восстановлению и застройке территорий для перехода российских городов к современным моделям развития. В этих целях разработан стандарт комплексного развития территорий, который содержит «готовый набор решений», принципы и целевые модели, образующие комплексную базу инструментов по формированию и преобразованию территорий жилой и многофункциональной застройки

The article raises the issues of annihilation of places without a direct function in the urban space in the context of the implementation of standards for the development of territories and the desire for their mass replication. In view of the widespread perception of urban wastelands with a negative connotation, the article explores the understanding of the category of void in architectural theory and practice on a positive basis. The differences between the attitude to space as an object in the modernist design method and void as the subject of the modern postmodernist method are described. The properties and values of void are considered in order to return subject-subject relations to void as a value, to clarify its potential for introduction into the project method as a category that has significant axiological properties in comparison with space. Rehabilitating the repressed meaning of void is seen as the key to major professional change. It is proposed to consider void as an integral part of poetic experience and as a manifesto of a new form of architecture.

Keywords: void, space, rehabilitation of repressed meanings, dichotomy, modernism, postmodernism, the right to void

ки. Предпосылками для создания такого стандарта являются негативные факторы: 82 % городов имеют низкокачественную городскую среду, что негативно влияет на повседневную жизнь горожан и эффективность городского управления; похожесть жилых районов российских городов – типовые планировки, однообразные объемно-пространственные и архитектурные решения, избыточные по площади и неблагоустроенные открытые пространства. Предполагается, что готовая база решений и тиражирование удачных практик комплексного развития территорий даст людям больше возможностей выбирать такой образ жизни, который им подходит [1].

Однако в этой ситуации возникает парадоксальная двойственность: из-за рационального подхода спроектированные пространства

лишь увеличивают среди жителей чувство отчужденности и безучастности. Наблюдается потеря идентичности и дефицит «настоящего», монотонность и имитационный характер городских пространств. Проектировщики твердо следуют нормативам, в результате объектного мышления применяются рутинные, тиражированные архитектурные решения, что ведет к возникновению среды низкого качества. Зачастую недавно застроенные городские районы вновь попадают в список деградированных территорий (рис. 1).

Применяемая повсеместно социальная стратегия архитектурного программирования типа «забор», согласно исследованиям К. Кияненко, ориентирована на набор регламентов, ограничений, нормативов и не выявляет реальных потребностей горожан [2]. Всеобщая урбанистическая ипохондрия приводит, выражаясь словами Симона Кордонского, к «сплошному торжеству абстрактной схемы над жизнью»

[3]. Речь идет об архитектуре, в которой больше нет загадки, в которой духовное пространство сведено к минимуму, «объем архитектуры сжимается до сладостных посуды, типового строительства и стилизаций – всего того, что укладывается в буквари и СНИПы авторитарно-назидательной оболочки системы» [4].

Жан Бодрийяр пишет: «Если архитектура должна становиться лишь функциональной и программной транскрипцией принуждений социального и городского порядка, то она перестает быть архитектурой. Удавшимся объектом можно считать лишь такой объект, который существует по другую сторону своей реальности, который для своих пользователей порождает двойственные (не только интерактивные) отношения, состоящие из неправильного использования, противоречивости и дестабилизации» [5, с. 120].

Многочисленное однообразное повторение архитектуры без существенных городских

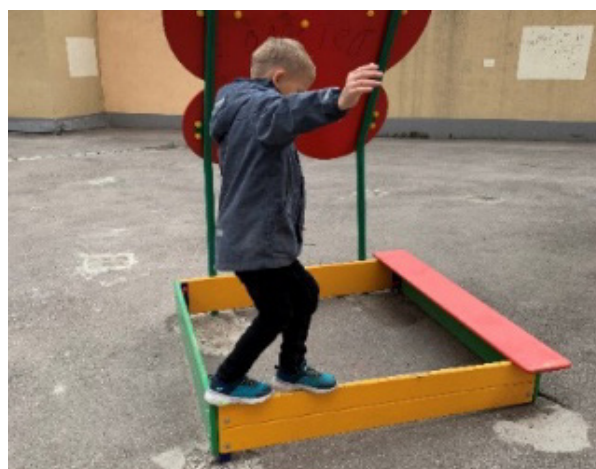

Рис. 1. Территория с деградированной средой, г. Самара, ЖК «Ботанический»
(Источник: <https://sv-bob.livejournal.com/618416.html>, презентация «Реновация градостроительной политики городского округа Самара», фото авторов)

качеств лишает понимания её как искусства. В результате типового проектирования в городах уничтожается индивидуальность и самобытность, что не имеет ничего общего ни с человеком, ни с живой природой, ни с развитием территории. Такой сухой узколобый рационализм без уважения к духу места приводит к формализации творческих аспектов архитектурной деятельности, что составляет основную драму современной архитектуры. Однородное современное архитектурное пространство вызывает физическую дурноту. Все

похоже; нет больше ни локализации, ни латерализации [6, с. 199].

При этом авторская анонимная архитектура и «обывательская» городская среда оказываются на голову выше пространств, организованных специалистами (рис. 2). В таких местах как дворы в исторической застройке городов остался потенциал для развития, здесь создаются смыслы и ценности, сохраняются обычаи, традиции и обряды, происходит живой диалог мест. Созданные смыслы уважаются, ценятся и бережно охраняются городскими жителями.

Рис. 2. Анонимная архитектура самарских дворов (фото: из книги «The Samarsky Yard», авторы Йорн Шимман, Отто Вейерс, Лариса Арарипе Рэнд, Евгения Репина, Сергей Малахов, Александр Гнилomedов, из брошюры «Тотальный музей самарского двора», авторы Евгения Репина, Ксения Горина, Снежана Лашенко и др.)

Человек чувствует, живет, обитает, является автором своего мира, являет миру образы себя и для себя. Здесь всегда присутствует дух свободы, пустоты, и это является сложным пространственным качеством, субъективным отражением мультисенсорного слияния различных воспринимаемых факторов в пространстве, генерирующим смыслы для каждого человека.

Жан Бодрийяр задается вопросом о том, можно ли раскрыть особое предназначение архитектуры, учитывая пустоту как некую радикальность пространства. «Как и в пространстве, в мире воображаемом должны неизбежно существовать отклонения, которые не подчиняются никакому планированию, никакой линейной зависимости, никакому программированию. Учитывая данное положение дел, архитектор может играть на том, чтобы расстраивать свои собственные планы, однако он не должен претендовать на то, что сможет иметь власть над событием, связанным с этим объектом. Символическое правило гласит: игрок никогда не должен быть сильнее, чем сама игра» [5, с. 117].

Когда пространство описывается как пустое, обычно это имеет негативные коннотации. В то время как мы готовы воспринимать пространственную пустоту, являющуюся результатом архитектурного планирования и встроенную в знакомый культурный канон как роскошное пространство, пустое пространство, «пустота» отчуждается в контексте современных городов. Будь то с точки зрения застройщиков, градостроителей или защитников природы, пустое пространство понимается как ненужное, проблемное, лишенное чего-то существенного, «погибшее» и, таким образом, контрастирующее с обычным непустым или заполненным, «правильно определенным» пространством. Кроме всего прочего, его связывают с преступностью и вандализмом, описывают как уродливое и позорное для города и осуждают как бесполезное. В результате доминирующая градостроительная и архитектурная практика при столкновении с этим отчуждением направлена на то, чтобы заставить пустоту исчезнуть. Это может произойти либо путем разрушения структур или предпосылок, делающих пространство пустым, либо путем заполнения пустоты новым содержанием [7, 8].

Таким образом, становится очевидным, что целый пласт архитектурной материи в виде мест без назначенной проектировщиком функции, пустые, ничем не заполненные пространства без определенного назначения вытеснены жесткими критериями современных стандартов развития территорий в некоторую маргинальную зону. Но все ли пространства

должны выполнять какую-то функцию? Неужели мы бегаем в поисках новой функции, нового значения, ради того чтобы пустое пространство «ожило», но в результате получаем обратное? Возможно ли, что благодаря реабилитации репрессированного смысла пустоты города больше не будут казаться однообразными, убогими и бедными, а скорее заколдованными, погруженными в мечты и загадочными?

Апология пустоты в теории и практике архитектуры

А. Тарковский в фильме «Сталкер» показывает всему миру, что диалог с Богом в настоящее время возможен именно в пустых, заброшенных, странных, забытых местах. Именно здесь происходит чуткое слушание самого себя, восстанавливается связь с бессознательным. Анри Лефевр писал: «В некоторых ситуациях образуются разрыв, зазор, промежуток: совершенно особое пространство, магическое и реальное. Бессознательное? Быть может, оно не смутная природа, не субстанция, наделенная желанием, не источник языка и не сам язык. Быть может, оно и есть тот зазор, этот интервал?» [6, с. 201].

Места как элементы пространства без прямой функции – заросшие пустыри, неприглядные заросли, кривые овраги, неплотные стыки, индустриальные руины, все «междунаходимое» пространство – трещины, щели, зазоры, промежуточные зоны, неоформленное, забытое, заброшенное – это есть пробелы, которые дают городу дыхание, вступают в диалог. Их можно описать обесценивающими или даже унижительными категориями – «лишнее, ненужное, опасное», считать это пространство погибшим, но на самом деле это сложная система, которая сама собой и без вреда для людей может делать городскую среду благоприятной для человека, выполнять множество экологических функций без финансовых вложений. «Почему так мало современных зданий затрагивают наши чувства, когда почти каждый безвестный дом в старом городе или наименее претенциозная фермерская постройка даёт нам чувство знакомости и приятности? Почему это каменный фундамент, который мы нашли на заросшем пустыре, сломанный сарай или заброшенный эллинг могут возбудить наше воображение, тогда как наши собственные дома, кажется, душают и подавляют наши грёзы?» – вопрошает Ю. Паласмаа [9].

Жан Бодрийяр считает такое пространство единственным решением непостижимо взаимнообмена с городом, который невозможно обнаружить в обустроенном искусственном пространстве. «Я чувствую возникновение этого пространства, не похожего ни на какое иное, существование иного пространственного оформ-

ления – побуждения, которое противоречит любому другому проекту и любому другому функциональному принуждению... Здесь поднимается вопрос определения архитектуры, если она претендует на наличие в ней некоей правды» [5, с. 117].

В японской проектной культуре «значимое пустое пространство», «значимая пустота» (Ма) является неотъемлемой частью опыта пространства на протяжении веков. Интерпретация часто меняется, но основное понимание остается тем же: пустота понимается как активная сущность, сакральная ценность, заменяющая Бога на земле. Незастроенное пространство на диффузном стыке архитектуры и городского планирования не является случайным, а представляет собой значимое пустое пространство, пустоту, которая, как и застроенная среда, является задачей проектирования. Это пустое пространство существует само по себе и должно самоутвердиться.

Тадао Андо утверждает, что у всех зданий есть «пустоты пространства», которые полны эстетических ценностей, чувств и эмоций. Более того, эти пробелы содержат «характер людей, которые там живут, местные традиции, историю и т. д. Эти пустоты могут встречаться везде: в стенах, полах и крышах. Кажется, что такие промежутки – это места, где сталкиваются противоположности: свет и тьма, старое и новое, искусственное и естественное». Он также отмечает, что эти промежутки не основаны на сознании, но случайны, спонтанны.

Когда архитектор проектирует пустоту – дает людям «ничто», – то они могут поразмыслить о том, чего можно достичь из этого ничто, он дает людям возможность заполнить пустое пространство в соответствии с их восприятием, спроецировать туда переживания, воспоминания и мысли о том, что может происходить. Двусмысленность, неопределенность и таинственность пустого пространства вызывает «раздражение человеческого духа», позволяет людям задуматься над его смыслом. Более того, Андо считает главным взаимное присутствие здания и пустоты. «У них обоих должна быть своя «собственная логика», если мы хотим создать нечто со своим особым характером. Эта пустота подразумевает не построенную часть площадки. Пустое расширение площадки не заполняется зданием, но здание порождает пустоту в этой части и провоцирует ее. В результате мы получаем сцену со взаимной связью здания и пустоты» [10, с. 452].

По мнению Мишеля Фуко, благодный голос пустоты позволяет человеческому разуму проснуться, полнота пустоты воспринимается как «нечто, что нельзя заставить молчать, зани-

мающее всё пространство, всю непрерывность, беспрепятственность». «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека. Пустота эта не означает нехватки и не требует заполнить пробел. Это есть лишь развертывание пространства, где наконец-то можно снова начать мыслить» [11].

Архитектор, городской исследователь и писатель Кристин Дисманн, чей исследовательский интерес направлен на восприятие и опосредование городской реальности, в своей книге «Гештальт пустоты: как поступить с новой городской реальностью» осмеливается взглянуть на городские пустоты с теоретической точки зрения. Она рассматривает пустоту не с целью ее функционального использования для максимально эффективной реновации города, но интересуется ее эстетическими характеристиками, а также разрабатывает альтернативный принцип, который под названием «принцип спящей красавицы» направлен на защиту пустых мест без специального назначения [7, с. 229]. Для того чтобы прийти к лучшему пониманию специфических аспектов и качеств пустоты, чтобы сделать их доступными для сознательного подхода к архитектуре и дизайну, Дисманн изучает причины, факторы и механизмы, которые могут создавать впечатление пустоты, исследует различные основы восприятия и интерпретации пустоты независимо от влияния контекста, плоскости восприятия и временных ограничений [7, с. 31–42]. В своем исследовании Дисманн приводит типологию пустоты, но не в строгом смысле, а скорее как осторожную дистилляцию характерных черт пустоты исходя из ее многослойного контекста (см. таблицу). Основным предположением является то, что в большинстве пустых пространств различные типы пустоты могут быть идентифицированы параллельно друг другу, быть взаимно обусловлены, проникать и влиять друг на друга. Также возможно, что определенные формы пустоты взаимно исключают друг друга, или же устранение определенной формы пустоты влечет за собой возникновение другой формы.

На основе рассуждений К. Дисманна о различных типах пустоты становится ясно, что пустота – это не объективируемое пространственное состояние, а субъективное впечатление, которое возникает под влиянием очень разных материальных и нематериальных факторов и всегда относительно. Пустота почти всегда описывает пространственные состояния, которые не соответствуют ожидаемому и общепринятому, т. е. «норме», которые хрупки и легко изменяемы. Восприятие и интерпретация пустоты подчиняется множеству условий, но

Типология (восприятие) пустоты согласно исследованию архитектора Кристин Дисманн (на примере площади Славы, г. Самара)

МАТЕРИАЛЬНАЯ ПУСТОТА

ОТСУТСТВИЕ СОДЕРЖИМОГО

Зависит от размера, количества и характера содержимого, а также его динамического отношения к окружающему его пространству. Содержательная пустота может при определенных условиях способствовать более точному восприятию нематериальных качеств, которые выражаются как атмосфера, аура или архитектурный эффект. Отсутствие «вещей» в помещении позволяет взгляду не отвлекаться и делает невидимое видимым

Пустота на площади позволяет глубже ощутить значение монумента

ОТСУТСТВИЕ СТРУКТУРЫ

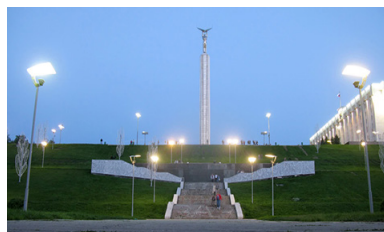
Структурная пустота создается пропорционально большим расстоянием между определяющими пространство материальными объектами. В этом смысле примерно равнозначна «ширине пространства» (простор, раздолье, широта)

Площадь Славы, вид сверху.
Фото из архива Владимира Самарцева

ОБРАЗНАЯ ПУСТОТА

Образная пустота является результатом минималистичного дизайна. Принцип «less is more» – основная идея модернизма. Отказ от декора, упрощение формы, абсолютная невидимость оформлений, что достигается наивысшей степенью взаимопроникновения и сочетаемости

Мемориальный ансамбль до реконструкции имеет гораздо более минималистичный вид и цельный образ (Фото: источник <https://novate.ru/blogs/090515/31182/>, <http://www.kraeved-samara.ru/archives/2192>)

Площадь Славы после реконструкции приобрела стену высотой 6 метров, закрывающую обзор для горожан

ОТСУТСТВИЕ ФУНКЦИИ

Отсутствие предписанного использования (не зависит от пространственного оформления, пропорций или размерности). Возникает, когда функция не соответствует ожидаемой или социально желаемой функции

Катание на роликах на площади до реконструкции площади (фото из архива Владимира Самарцева)

После замены покрытия на площади больше не катаются роллеры и скейтеры, отсюда восприятие площади как пустой несмотря на экспозицию фотовыставки

ОТСУТСТВИЕ ЛЮДЕЙ

Безлюдность обозначает в простом физическом смысле отсутствие людей в помещении, в пространстве. В таком качестве она препятствует формированию социальных пространств, которые формируются общим присутствием и соответствующим социальным взаимодействием людей и носят нематериальный характер

Безлюдность на площади (фото авторов)

ПУСТОТА УТРАТЫ

Потеря вполне определенного содержания и вполне определенной функции. Обусловлена не отношением содержания к окружающим пространственным детерминантам, а отсутствием содержания или функции, признанной уникальной и незаменимой

Утрата вида для горожан в результате строительства стены при реконструкции площади (фото: Интернет)

НЕМАТЕРИАЛЬНАЯ ПУСТОТА

ОТСУТСТВИЕ СМЫСЛА

Возникает в результате потери смысла, будь то изменение функции или измененная оценка привлекательности и/или социальной значимости мест. Также возникает, когда пространство недавно возникло или построено и которое по причине отсутствия у него истории либо отсутствия достаточной включенности или неспецифического дизайна остается незаметным для зрителя

Отсутствие смысла в возведении забора на спуске/подъеме

<p>МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПУСТОТА Напоминание о потере. Эта метафора находит частое применение в мемориалах и памятной архитектуре. Другая повествовательная атрибуция — это претензия на величие, пустые пространства разработаны для подчеркивания исключительной важности содержания или объектов, находящихся в них</p>	 <p>Монумент Славы и Вечный огонь</p>
<p>ОТСУТСТВИЕ СОБЫТИЙ Основано на предположении, что не только пространственные границы или ограничения создают пространства, но и определенные события. Городские пространства, которые никак не связаны в сознании населения с какими-либо событиями, воспринимаются как безжизненные пустоши, даже если они эстетически качественно оформлены (оно не становится свидетелем истории и не наполняется для населения специфической историей и воспоминаниями)</p>	 <p>Знак на площади, запрещающий кататься здесь на роликах, велосипедах и скейтбордах</p>
<p>ОТСУТСТВИЕ ИНФОРМАЦИИ Неиспользуемый заброшенный участок в периферийном, мало посещаемом районе, имущественные отношения которого неясны, внешние границы которого утрачены и давно проигнорированы, о бывшем владельце или использовании здания соседи ничего уже не помнят, экономическую ценность определить затруднительно</p>	<p style="text-align: center;">?</p>

в наибольшей степени она определяется конкретным контекстом и индивидуальным способом восприятия конкретного зрителя [7, с. 43].

Принципу сохранения права на пустоту и уважения к пустоте как к живой ткани города – одушевленному ландшафту, в котором люди могут максимально чувствовать себя настоящими обитателями, вступлению в диалог с местом, сохранению следов времени, созданию гибкого пространства со свободными сценариями следует в своей профессиональной деятельности мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной. Этический подход к проектированию позволяет буквально впитывать то, что видишь и чувствуешь

вокруг себя – шелест листьев, мимикрию человеческого вторжения в природу, бетонные и металлические конструкции, природный овраг, разрушение конструкций, деформацию почвы и рельефа, переходы между уровнями, контрастные формы и контрформа, выход из состояния равновесия и т. д., – а затем интерпретировать это в проекте.

Проект концепции 5-й очереди набережной р. Волги в Самаре, разработанный мастерской в 2018 г., сохраняет паузу между двумя бетонными многокилометровыми променадами существующих набережных, при этом соединяя их между собой (рис. 3). «Нижний уровень пространства предполагает минимальное вме-

шательство и максимальное сохранение существующих там артефактов, инфраструктуры и островков природы – естественный, дикий берег реки, место созерцания. Верхний уровень – это мост, по которому можно пройти сквозь всю набережную, созерцая виды на Волгу и на город. Мост подстраивается под динамичный рельеф естественного берега и находящуюся на нём застройку. Здесь человек не диктует свои правила жесткого подчинения природы, а сам бережно обходит природные и промышленные артефакты. Мост позволяет гостю выбрать: пойти ему по естественному берегу, сделать паузу созерцать природу или же быстро пройти в нужное место по ровной поверхности, найти видовую точку. Место под мостом может быть обитаемым, жители могут расположиться на подготовленных конструкциях для пикника, найти место для чтения, покататься на качелях».

Таким образом, можно предположить, что и в архитектуре, исходя из уважения «пустоты» как духа места, можно создать новые стратегии и сценарии развития вопреки агрессивному воздействию стандартизированного пространства – нечеловеческого масштаба бездушных многоэтажек, уродливых форм, диких расцветок, асфальтовых полей, засилья повсеместной урбанизации – всего того, что порождает лишь окаменение и омертвление, вызывает физическую дурноту и самые тяжелые эмоции в человеческой душе. Совершить «переход к поэтической архитектуре, драматической архитектуре, словесной архитектуре, радикальной архитектуре, о которой мы отныне будем мечтать» [5, с. 122].

«Пустота красива всегда, именно она создает красоту таких городов, как Париж или Санкт-Петербург. Пустые пространства данных городов содержат большое эмоциональное, да

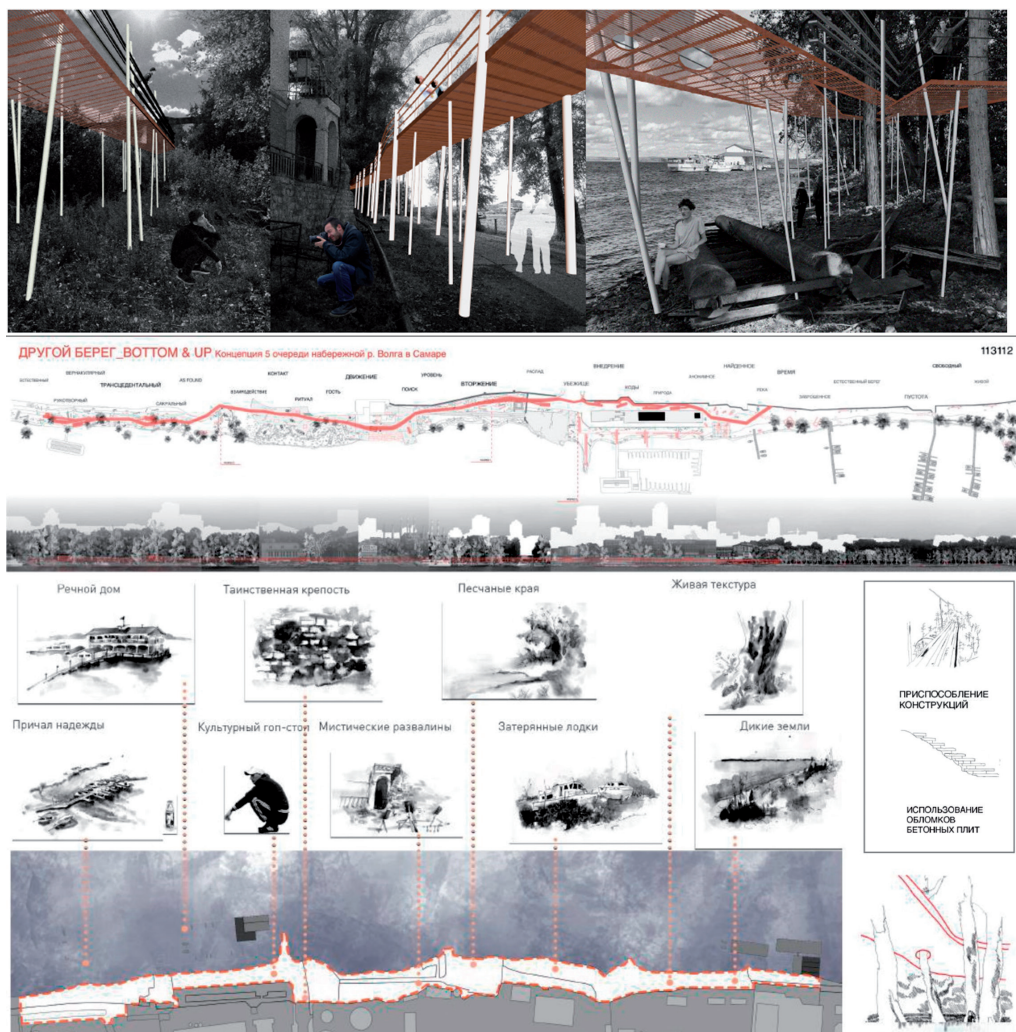

Рис. 3. Проект – лауреат международного конкурса «Концепция 5-й очереди набережной реки Волги в городе Самаре «Другой берег bottom & up». Мастерская Сергея Малахова и Евгении Репиной

и практическое значение. Вообще надо обладать определенной смелостью, чтобы создавать такую архитектуру, которая образовывала бы пустоту», – отмечает французский архитектор Патрик Берже [12].

Реабилитация пустоты в постмодернистской этике

Предполагается, что сущностью архитектуры, из которой в конечном итоге проистекают её эстетические, утилитарные, эмоциональные и поэтические качества, является пространство. «Пространство, а не камень – материал архитектуры» – отмечает архитектор Ладовский [13].

Однако мы не найдём завершённой теории пространства ни у одного из философов и теоретиков архитектуры. Рэм Колхас пишет, что «архитекторы никогда не могли объяснить, что такое пространство». «До сих пор, думая о пространстве, мы смотрели только на его вместилища. Как будто само пространство невидимо – в основе любой теории создания пространства лежит навязчивая озабоченность его противоположностью: материей и объектами, то есть архитектурой» [14].

Пространство по самому своему определению – это физическая сущность, которую мы можем занять или коснуться. Благодаря пространству человек чувствует «достоверность» своего существования. Тем не менее мы подразумеваем отсутствие телесности – пустоту – как доступность пространства, именно с оформления пустоты начинаются пространственные отношения. Таким образом, внутреннее значение архитектурного ремесла заключается в создании пустоты, через которую должны двигаться определенные физические тела [15].

Кенго Кума считает, что пустота была, по сути, тем, что возникло и дало силу всей архитектуре. Архитектура – это искусство пустоты в такой же степени, как и искусство наполнения, именно искусство пустоты определяет архитектуру и является главным, ключевым в архитектурной деятельности [16].

Соприсутствию пространства и пустоты, их взаимодополнительности можно поучиться у направлений из музыки и изобразительного искусства, таких как минимализм и концептуализм, в которых пустота является полноценным композиционным материалом. Именно в межобъектной пустоте, которая тем более наполнена смыслом, насколько она полна, наблюдаются очень сложные переживания – бесконечно малый интервал между перстом Бога и перстом человека на фреске Микеланджело, синапсы между нейронами, где трещит интеллект, дрожащий воздух между телами, колебания света, тонкие разрезы, создающие тени

и четкость изображения монады-архитектуры Тадао Андо.

Таким образом, пустота есть собственное существо пространства, его «душа» и «воля», относящаяся к первофеноменам, перед которыми мы, по словам Гёте, «ощущаем род испуга, чуть ли не ужаса» [17]. Она живет сама по себе и является аналогом свободы. Пустота, как зеркало, вызывает присутствие пространства, в ней оно проецируется, совпадает с ней. Это симметричный повтор, обратное изображение, отражение, производящее предельное различие. Тождество, равное абсолютной инаковости.

Пустота и пространство связаны на таком количестве уровней, так очевидно сопряжены, что их восприятие в западном архитектурном дискурсе практически идентично. Однако в прозаическом западном восприятии категория пространства является основополагающей. В контексте модернистского дискурса пространство используется как функциональный элемент пластического языка (материал, инструмент), является объектом авторской воли архитектора, «не-субъектом». Архитектор управляет пространством художественным методом: руководствуясь законами ритма, придает форму и структуру, определяет его стоимость, функцию, назначает характеристики (размер, масштаб, однородность, изотропность, протяженность, конечность, прозрачность и т. д.). Пространство занимает привилегированное положение, в то время как категория пустоты вытеснена, она находится в «тени» пространства, занимает маргинальное положение. В целях производства пространства проектировщик стремится её подчинить, покорить, подавить, структурировать, оформить, использовать, назначить цену и «продать» (рис. 4).

Композиционные «каноны» архитектуры модернизма – апология пространства в противовес материи, рациональность пластического языка, функциональность, непрерывность пространственного взаимопроникновения, свободный план, открытая форма, структурность, иерархичность (соподчинение частей и целого во внутренней композиции), техника и связанный с ней драйв (технократическая линия), глобальность, определяются через отрицание важных ценностей – личностных, религиозных, временных, национальных, местных. В художественной системе модернизма и его поэтике человек и дух пространства отсутствуют. Ввиду оторванности от реальной жизни, проявившейся в невнимании к естественным процессам развития городов, наступило разочарование в данной методологии [18, 19].

Модернизм сводит пространство к чистой функциональности в попытках представить

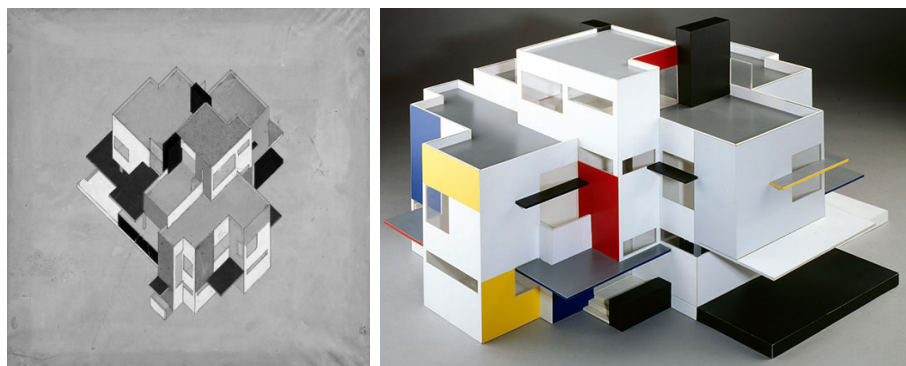

Рис. 4. Аксонометрия дома художника. Тео Ван Дусбург

саму реальность. Наука стала доминирующей формой разума, вызывающей потребность в симуляции истины через рациональный источник замысла вместо божественного, данного. Проблема этого поиска рационализма в том, что он должен иметь начало и конец, приводя к заранее определенной цели. Это породило ложную дихотомию между божественностью и рациональностью: логика и дедуктивные рассуждения, доминировавшие в культуре посредством науки, математики и технологий, рассматривались как «способные создать правдивый архитектурный объект». Однако, как показывает Эйзенман, утверждающий о том, что классицизм и модернизм исторически непрерывны, окончательное крушение этого вывода было его собственным вопрошанием о самом себе, разоблачающим его как истинную фикцию, ценность, полученную из внешнего источника, точно так же, как это делала религия в прошлом [20].

В философии постмодернизма европейская мысль радикально меняет отношение

к пустоте. Постмодернизм вызвал к жизни пафос горизонтали жизни – пафос чувственного, частного, абсурдного, маргинального. Пустота для постмодернистов – это порождающая пустота, так же как для восточных философов и в отличие от европейской традиции. Постмодернистская этика открывает для себя то, что для восточной традиции является очевидным уже несколько тысячелетий [21]. Чарльз Дженкс называет это возвращением к отсутствующему центру – «архитектурный ансамбль или произведение искусств исполняется таким образом, чтобы все элементы были сгруппированы вокруг единого центра, но место этого центра – пусто» [22]. Теперь не только восточная, но и западная философия побуждает нас выйти за рамки обычного, бинарного, рефлексивного мышления и стать едиными с истиной, а именно пустотой или истинным «я». Буддийская философия с ее акцентом на пустоте была бы наилучшим подходом к слиянию восточного и западного способов мышления в нашем поиске конечного и абсолютного [23] (рис. 5).

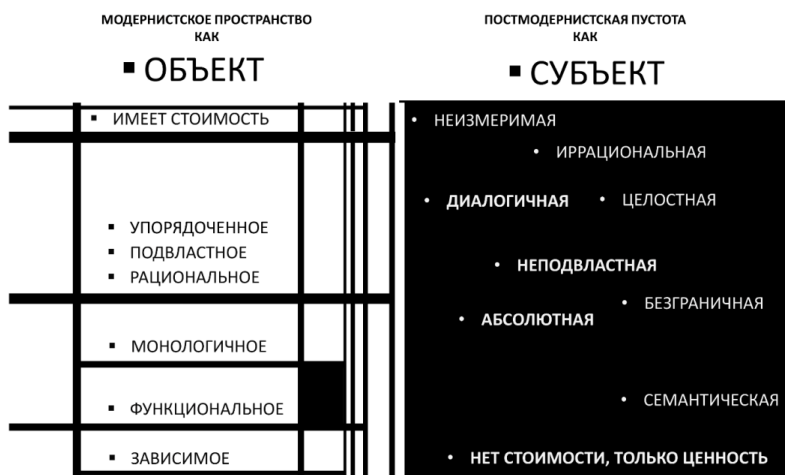

Рис. 5. Диаграмма «Дихотомия пространства как объекта в модернистском проектом методе и пустоты как субъекта в современном постмодернистском методе»

Выводы. 1. Осуществимость архитектуры как искусства в условиях внедрения стандартов и тиражирования практик развития территорий, не оставляющих права на пустоту, сомнительна. Современная архитектурная практика с коммерциализированной и стандартизированной строительной промышленностью впала в «танец смерти». В такой реальности архитектор потерял свою автономию и свел свои задачи к задачам поставщика услуг.

2. Утверждаемые стандарты развития городов и территорий не учитывают и не исчисляют оригинальность и уникальность места, его духа и пространственных свойств. Возникает своего рода деспотизм стандартизированного пространства, ограниченного в свободе и вызывающего физическую дурноту.

3. Пустота – это прежде всего живая ткань города, дух и аналог свободы, безграничное поле новых возможностей. Необходимо изменить территориальный и урбанистический подход к пустоте, признать её «всюдность», самобытность, самодостаточность, найти коды взаимодействия с пустотой как субъектом, обратиться к ней с уважением и почтительностью, как это на протяжении веков осуществляется в восточной архитектурной практике.

4. Исследования нематериального потенциала городской застройки могут быть отдельным направлением развития городской среды. Это может открыть неограниченные возможности развития профессионального метода, обеспечить практику проектирования, ориентированную на развитие личности и территории.

5. В новой постмодернистской парадигме необходим возврат пустоте субъектности и признание ее как неоспоримой ценности. Формирование и персонализация пустоты – задачи для новой городской структуры, которые должны быть включены в каждую программу требований.

6. Реабилитация репрессированного значения пустоты – это ключ к масштабным профессиональным переменам. Ввиду высших аксиологических свойств в сравнении с пространством, предлагается рассмотреть пустоту как неотъемлемую часть поэтического опыта и как манифест новой формы архитектуры. Осознание пустоты в ее восточном понимании позволяет открыть новые рубежи в архитектуре символизма и плюрализма.

7. Самой большой и губительной ошибкой, которую может допустить проектировщик, – не оставить в проекте застройки или благоустройства территории ни одного белого пятна – участка, где сознательно ничего не сделано специально для людей, а просто оставлено на откуп природе и ее способности занимать собой, затягивать и оживлять любое доступное

пространство. Пустота – это и есть живая ткань города, дух свободного пространства.

Интеграция пустоты в качестве составляющей проектного метода будет способствовать:

- стимулированию естественного развития городов без вложений;
- пробуждению эстетической энергии и конституированию общества;
- развитию личности и территории через рост субъектности, изменению внутреннего мира обывателей за счет уважения к пустоте как сакральной сущности, вступления с ней в диалог.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стандарт комплексного развития территорий. Методическое руководство по развитию застроенных территорий и освоению новых. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/urban/standards/printsipy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy>.
2. Кияненко К.В. Социальные стратегии архитектурного программирования // Innovative project. 2017. Т. 2, № 1. С. 54–68.
3. Кордонский С.Г. Циклы деятельности и идеальные объекты. М.: Пантори, 2001. 176 с.
4. Малахов С., Репина Е. Альтернативные сценарии обитания (АСО) – Hoc est vivere bis, vita posse priore frui // Innovative Project. 2018. Т. 3. № 9. С. 40–50.
5. Бодрийяр Ж. Архитектура: правда или радикальность? / пер. с нем. А.Г. Воробьевой и М.Б. Вильковского. М., 2011. 100 с.
6. Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. М: Strelka Press, 2015. 100 с.
7. Dissmann C. Die Gestaltung der Leere. Zum Umgang mit einer neuen städtischen Wirklichkeit. 2010. Pp. 172.
8. Krivè M. The idea of empty space / Semantic Scholar. URL: <https://www-semantic scholar-org.translate.google/paper/Pro-Kaapeli-movement-and-the-Cable-Factory-in-Krivè> (дата обращения: 09.02.2022).
9. Юхани Палласмаа. Мыслящая рука: архитектура и экзистенциальная мудрость бытия. М.: Классика XXI, 2013. 100 с.
10. Ando T. Tadao Ando speaks for the Record. Architectural Record, No. 2, P. 172.
11. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. 100 с.
12. Малинин Н. Патрик Берже: «Пустота красива всегда» // Штаб-квартира. 2005. № 40–41. URL: https://archi.ru/press/world/498/journalist_present.html?id=70.
13. Ладовский Н.А. О роли пространства в архитектуре и о характере синтеза архитектуры, скульптуры и живописи // Избранные отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов. М., 1920. 100 с.
14. Коллас Рэм. Мусорное пространство. М: Арт Гид, 2015. 100 с.
15. Иванов С.И. Эссе о пустоте или что такое архитектура // Архитектурный Петербург. 2016. № 5(42). С. 10–15.

16. Mucciola M. //URL: <https://architecturetoday.co.uk/into-the-void/> (дата обращения: 09.01.2022).

17. Хайдеггер М. Искусство и пространство / пер. В.В. Бибихина. М., Республика, 1993. 100 с.

18. Копылова Л. Классика и модернизм: наборы ценностей / URL: <https://archi.ru/almanac/94490/klassika-i-modernizm-nabory-cennosti>.

19. Курочкина М.Н. Разочарование в иерархии. Заметки психолога о постмодернистской экзистенции // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razocharovanie-v-ierarhii-zametki-psihologa-o-postmodernistskoy-ekzistentsii/viewer>.

20. Eisenman P. The End of the Classical: the End of the End, the End of the Beginning. Yale Architectural Journal. 1984. Vol. 21.

21. Коковкина А.А. Аксиология пустоты в европейской и восточной традициях // Вестник ДВГСА. Гуманитарные науки. 2011. № 1/1(7). С. 10–15.

22. Дженкс Чарльз. Язык архитектуры постмодернизма / пер. с англ. В. Рабушина, М. В. Уваровой; под ред. А. В. Рябушина, Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.

23. Halla Kim. Beyond Emptiness: A Critical Review Journal of World Philosophies 2, 2017.

REFERENCES

1. Standart kompleksnogo razvitiya territorij. Metodicheskoe rukovodstvo po razvitiyu zastroyennyh territorij i osvoeniyu novykh [The standard of comprehensive development of territories. Methodological guide for the development of built-up areas and the development of new ones]. Available at: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/urban/standards/printsiy-kompleksnogo-razvitiya-territoriy>.

2. Kiyanenka K.V. Social strategies of architectural programming. Innovative project, 2017, vol.2, no. 1, pp. 54-68. (in Russian)

3. Kordonsky S.G. *Cikly deyatel'nosti i ideal'nye ob'ekty* [Activity cycles and ideal objects]. M., Pantori, 2001. 176 p.

4. Malakhov S.A., Repina E.A. Alternative scenarios of living (ASO) - Hoc est vivere bis, vita posse priore frui. Innovative Project, 2018, vol 3, no. 9, p. 93. (in Russian)

5. Baudrillard J. *Arhitektura: pravda ili radikal'nost'*? [Architecture: truth or radicality?]. Translated from German. Vorobyeva A.G. and Vilkovsky M.B. 2011. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/2011/09/20/1267451202/Bodriyar.pdf>.

6. Lefebvre A. *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Translated from French. M., Strelka Press, 2015. 432 p.

7. Dismann C. Die Gestaltung der Leere. Zum Umgang mit einer neuen städtischen Wirklichkeit. 248 p.

8. Krivè M. The idea of empty space. Semantic Scholar. Available at: <https://www.semanticscholar.org/translate/google/paper/Pro-Kaapeli-movement-and-the-Cable-Factory-in-Krivè>.

9. Kijanenka K. *Yuhani Pallasmaa o geometrii chuvstv, chuvstve doma i sile «slaboj arhitektury»* [Juhani

Pallasmaa about the geometry of feelings, the sense of home and the power of «weak architecture»]. Available at: <http://archvestnik.ru/ru/magazine/av-4-103-2008/yukhani-pallasmaa-o-geometrii-chuvstv-chuvstve-doma-i-sile-slaboi-arkhite>.

10. Ando T. Tadao Ando speaks for the Record. Architectural Record, no. 2, p. 172.

11. Foucault M. *Slova i veshchi* [Words and things]. Moscow, Progress, 1977, pp. 437-438.

12. *Otkrytyj konkurs na razrabotku koncepcii razvitiya Pyatoy ocheredi naberezhnoj Volgi v Samare* [Open competition for the development concept of the Fifth stage of the Volga embankment in Samara]. Available at: <http://samaracontest.tilda.ws/>.

13. Portfolio RAAAF. Available at: Mode of access: https://www.raaaf.nl/en/projects/1301_black_water/1304.

14. Malinin N. *Patrik Berzhe: «Pustota krasiva vseгда»* [Patrick Berger: «The emptiness is always beautiful»]. HQ, 2005, no. 40-41. Available at: https://archi.ru/press/world/498/journalist_present.html?id=70.

15. *Mastera sovetskoj arhitektury ob arhitekture: Izbrannye otryoki iz pisem, statej, vystuplenij i traktatov : V 2-h tomah* [Masters of Soviet Architecture on Architecture: Selected Extracts from Letters, Articles, Speeches and Treatises : In 2 Volumes] Under the editorship of M. Barkhin [et al]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1975. 344 p.

16. Kolhas Rem. *Trash Space*. Moscow, Art Gid Publ., 2015. 82 p.

17. Ivanov S.I. Essay on the void or what is architecture. *Informacionno-analiticheskij byulleten' «Arhitekturnyj Peterburg»* [Informational and analytical bulletin «Architectural Petersburg»], 2016, no. 5(42).

18. Mucciola M. Into the Void. Available at: <https://architecturetoday.co.uk/into-the-void/>.

19. Heidegger M. *Iskusstvo i prostranstvo* [Art and Space]. Translation by V. V. Bibikhin. Moscow, Izdatel'stvo Respublika Publ., 1993, pp.312-316.

20. Kopylova L. *Klassika i modernizm: nabory cennostej* [Classics and modernism: sets of values]. Available at: <https://archi.ru/almanac/94490/klassika-i-modernizm-nabory-cennosti>.

21. Kurochkina M.N. *Razocharovanie v ierarhii. Zametki psihologa o postmodernistskoj ekzistencii* [Disenchantment in the Hierarchy. Psychologist's notes on postmodernist existentialism]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razocharovanie-v-ierarhii-zametki-psihologa-o-postmodernistskoy-ekzistentsii/viewer>.

22. Eisenman P. The End of the Classical: the End of the End, the End of the Beginning. In: Yale Architectural Journal, 1984, vol. 21.

23. Kokovkina A.A. Axiology of emptiness in European and Eastern traditions. *Vestnik DVGSGA. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of DVGSGA. Humanities], 2011, no. 1/1(7).

24. Jenks Ch. *Yazyk arhitektury postmodernizma* [The Language of Postmodernism Architecture]. Moscow, Strojizdat Publ., 1985. 136 p.

25. Halla Kim. Beyond Emptiness: A Critical Review. Journal of World Philosophies, 2017, no. 2.

Об авторах:

РЕПИНА Евгения Александровна

кандидат архитектуры, профессор кафедры инновационного проектирования
Самарский государственный технический университет
Академия строительства и архитектуры
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: jeniarepina@mail.ru

REPINA Evgenia A.

PhD in Architecture, Professor of the Innovative Design Chair
Samara State Technical University
Academy of Civil Engineering and Architecture
443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 244
E-mail: jeniarepina@mail.ru

КУРСОВА Марина Геннадьевна

магистрант кафедры реконструкции и реставрации архитектурного наследия
Самарский государственный технический университет
Академия строительства и архитектуры
443100, Россия, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244
E-mail: kursovamg@gmail.com

KURSOVA Marina G.

Master's Degree Student of the Reconstruction and Restoration of Architectural Heritage Chair
Samara State Technical University
Academy of Civil Engineering and Architecture
443100, Russia, Samara, Molodogvardeyskaya str., 244
E-mail: kursovamg@gmail.com

Для цитирования: *Репина Е.А., Курсова М.Г. Дихотомия пространства – пустота в архитектуре // Градостроительство и архитектура. 2022. Т. 12, № 2. С. 120–134. DOI: 10.17673/Vestnik.2022.02.16.*

For citation: *Repina E.A., Kursova M.G. Space-Void Dichotomy in Architecture. *Gradostroitel'stvo i arhitektura* [Urban Construction and Architecture], 2022, vol. 12, no. 2, pp. 120–134. (in Russian) DOI: 10.17673/Vestnik.2022.02.16.*

ПОДПИСКА – 2022

на январь-декабрь
в «Объединенном каталоге «Пресса России»
на сайтах www.ppressa-rf.ru и www.akc.ru,

Уважаемые читатели!
Обратите внимание, что с 1 сентября 2021 г.
проводится подписная кампания на журналы
Самарского государственного технического
университета на 2022 год

18106 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Технические науки»

18107 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Психолого-педагогические науки»

18108 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Физико-математические науки»

41340 Вестник Самарского государственного технического университета.
Серия «Философия»

70570 Градостроительство и архитектура

Условия оформления подписки вы найдете
на сайтах www.ppressa-rf.ru и www.akc.ru,